

На лице императрицы заиграла мягкая, едва заметная улыбка.

— Докладываю Вашему Величеству, это лакомство называется фруктовый лед. Оно лучше всего подходит для того, чтобы охладиться в летний зной, — ответил Тун Даоцзюнь.

— Охладиться? Но ведь я нездорова, разве мне не следует принимать лекарства? — императрица приняла шелковый платок из рук Ланьсян и слегка промокнула уголки губ.

— Ваше Величество, вы вовсе не больны. Ваше недомогание вызвано лишь летним зноем. Этот фруктовый лед обладает охлаждающим эффектом, он как раз поможет снять жар. Как только зной отступит, вам станет легче, — Тун Даоцзюнь не моргнув глазом произнес эту ложь.

— Хм, звучит вполне разумно. Сейчас я и правда чувствую, что со мной всё в порядке.

Насладившись десертом, императрица в прекрасном настроении покинула покои, и даже походка её стала заметно легче.

Внезапно Тун Даоцзюнь оказался в знакомых объятиях: Шао Лиюй уткнулся лицом в его шею. Подняв руку, чтобы погладить эту большую голову, Тун Даоцзюнь в недоумении спросил:

— Что случилось?

— Я не знаю, что ты ей дал, но это определенно было что-то невероятно ценное...

Шао Лиюй сразу понял, что слова Тун Даоцзюня были лишь уловкой, чтобы порадовать мать. Когда императрица только пришла, он чувствовал, что её силы на исходе, но стоило ей съесть этот фруктовый лед, как она мгновенно будто ожила.

— Это редкая вещь, но не такая уж и драгоценная, — Тун Даоцзюнь мог получать очки системы, только успешно идя против Сына Судьбы. Это было редким ресурсом, но что до ценности... у него оставалось еще более двухсот очков, хотя лимит для этого мира был исчерпан. Видя состояние Шао Лиюя, он не удержался от соблазна поддразнить его: — Ну, если ты действительно хочешь отблагодарить меня, может, отдашь мне целиком?

— Хорошо. Во всех жизнях и перерождениях — только тебе одному, — Шао Лиюй обнял его еще крепче.

Этот человек принадлежал ему, и сейчас он был надежно заключен в его объятиях.

Тун Даоцзюнь улыбнулся.

Став наложницей Шао Цзисюна, Цзянь Цзяньжэнь почувствовал, будто оказался в бесконечном аду, где Шао Цзисюн был демоном, явившимся из самых его глубин.

Шао Цзисюн считал, что именно из-за Цзянь Цзяньжэня он оказался под домашним арестом, лишился титула и стал посмешищем для всей столицы. Если бы он тогда не поддался на уговоры этого змееподобного существа, то не оказался бы в таком жалком положении.

Поэтому всю свою ярость он вымещал на Цзянь Цзяньжэне. Раз уж тому так нравилось быть внизу, он предоставит ему такую возможность.

Хотя Шао Цзисюн не мог покидать дворец Жунсюн, он приказывал стражникам входить внутрь и силой прижимать Цзянь Цзяньжэня к полу. Сначала тот отчаянно сопротивлялся — несмотря на худобу, он владел боевыми искусствами и успел ранить немало охранников.

Тогда Шао Цзисюн без колебаний приказал перерезать ему сухожилия на руках и ногах, лишив его всякой способности к сопротивлению.

Слушая душераздирающие крики Цзянь Цзяньжэня, Шао Цзисюн чувствовал, как в его сердце разливается безграничное наслаждение.

Не в силах больше сопротивляться, Цзянь Цзяньжэнь терпел издевательства стражников, но его тело оказалось поразительно стойким: несмотря на все мучения, он продолжал жить.

Он ненавидел всех. Цзянь Хуншу, Шао Цзисюн, Цзянь Чуцин, император... все они заслуживали смерти!

Время шло, и срок трехмесячного домашнего ареста Цзянь Чуцина истек.

Это был первый раз, когда Цзянь Чуцин зашел во двор к Тун Даоцзюню с момента его прибытия в этот мир. Сидя на стуле, он неспешно достал из банки молочную конфету и положил в рот. Его взгляд был равнодушным, он смотрел на человека, который угрюмо пялился на него, а затем слегка изогнул губы в ослепительной улыбке.

— Я-то думал, что случилось нечто серьезное, а отец говорит об этом, — Тун Даоцзюнь закрыл банку крышкой, медленно поднялся и произнес: — Отец, подождите здесь.

Обойдя ширму, он вошел во внутренние покои и вскоре вернулся, протягивая аккуратно сложенный лист бумаги.

— Это контракт о продаже Чуньхэ.

Цзянь Чуцин ожидал, что ему придется приложить усилия, чтобы заполучить этот документ, и был ошеломлен тем, как легко сын его отдал. Он впервые по-настоящему взглянул на этого законного сына, которого всегда недолюбливал.

По сравнению с Цзянь Цзяньжэнем, этот отпрыск от торговли был куда достойнее.

Его мрачное выражение лица смягчилось. Взяв бумагу, Цзянь Чуцин спросил:

— Я собираюсь сделать Чуньхэ своей наложницей. Тебе есть что сказать по этому поводу?

Чтобы сделать служанку наложницей, достаточно было переоформить документы в ведомстве.

Тун Даоцзюнь слегка улыбнулся:

— Матушка покинула нас год назад, срок траура истек. Как сын, могу ли я препятствовать отцу? Вы в самом расцвете сил, вам подобает иметь кого-то, кто будет заботиться о вас.

Если ты не заведешь наложницу, кто будет грызться с Шуй Чжуся? Где мне тогда брать зрелища? — холодно усмехнулся про себя Тун Даоцзюнь.

— Хм. — Эти слова пришлись Цзянь Чуцину по душе. Убрав контракт за пазуху, он дал Тун Даоцзюню несколько наставлений о том, как укрепить связи со старшим принцем, и поспешно удалился.

— Хи-хи-хи, если бы папаша-негодяй узнал, что старший принц уже побывал в твоей постели, интересно, какое бы у него было лицо, — прокомментировал V587.

— Мне тоже интересно. Выражение было бы незабываемым. Но жаль, я не хочу, чтобы он об этом узнал.

Когда Шуй Чжуся узнала, что Цзянь Чуцин сделал Чуньхэ своей наложницей, она не могла в это поверить. Её домашний арест был снят месяц назад, но в последнее время Цзянь Чуцин избегал её, а если они и встречались, он не удостоивал её даже взглядом. Она старалась не попадаться ему на глаза, обдумывая, как снова завоевать его сердце, и тут — такая новость.

Для Шуй Чжуся это было катастрофой. Хотя она родила Цзянь Чуцину сына, он так и не дал ей официального статуса. Без его признания и любви она была никем.

Теперь же её сын стал наложником третьего принца и был заперт во дворце, вестей от него не было, но вряд ли жизнь Цзянь Цзяньжэня была легкой.

При мысли об этом лицо Шуй Чжуся помрачнело, и она решила проучить эту девку Чуньхэ.

Чуньхэ с пренебрежением выбросила в угол грубое льняное платье и облачилась в изысканный розовый шелк, который делал её еще более обворожительной. Цзянь Чуцин души в ней не чаял. Хотя статус наложницы не предполагал свадебной ночи, вчера она выпросила у него близости и так угодила ему, что сегодня он одарил её украшениями и дорогими тканями. Она не удержалась и тут же всё надела.

Хотя наложница оставалась слугой, она была выше простой челяди. Изначально ей не полагалось отдельного двора, но Цзянь Чуцин, не желая видеть Шуй Чжуся, выделил ей павильон Сяньхэ в западном крыле.

Только она закончила одеваться, как дверь распахнулась, и на пороге появилась разъяренная Шуй Чжуся, одарив её полным презрения взглядом.

Чуньхэ медленно поднялась от туалетного столика, поправляя черные волосы, и тихо рассмеялась.

— Каким ветром вас занесло, госпожа Шуй... хм, как мне теперь вас называть?

Видя манерность Чуньхэ, Шуй Чжуся пришла в ярость:

— Ты, бесстыдная девка! Это ты своими лисьими повадками приворожила господина Цзяня?!

Услышав в свой адрес оскорбление, Чуньхэ не рассердилась. Прикрыв рот рукавом, она кокетливо подмигнула своими прекрасными глазами:

— Пусть я бесстыдная, но разве вы лучше? Даже если я пока служанка, я официально принятая наложница господина хоу. А вы... кто вы такая? Обычная потаскуха, сошедшаяся с мужчиной без всякого брачного союза, ха-ха...

— Ты... — Шуй Чжуся никак не ожидала, что метод, который она сама использовала, чтобы повысить свой статус, станет оружием в руках презренной служанки, бьющим прямо в сердце.

— Ц-ц-ц, Хозяин, у вас отличный вкус. Боевой дух этой Чуньхэ... посмотрите, лицо Шуй Чжуся от злости позеленело, — сказал V587.

— Если бы у неё не было боевого духа, она бы не попалась мне на глаза. Ха, смерть — это иногда избавление, а жизнь бывает куда мучительнее. Хорошие дни для Шуй Чжуся подошли к концу.

Наблюдая на экране, как две женщины обмениваются оскорблениями и уже переходят к рукоприкладству, Тун Даоцзюнь, закинув ногу на ногу, лениво откинулся на кушетке. Перед ним лежала книга, в руке он держал грушу, откусывая от неё сочный кусочек.

— Я должен учить трактаты, а ты здесь обедаешь? Разве так подобает вести себя учителю?
— Шао Лиюй показался из-за спинки стула, наклонился и поцеловал его в губы, слизнув сочный сок с уголка рта Тун Даоцзюня. — Очень сладко.

Тун Даоцзюнь отложил недоеденную грушу, обнял его и ответил на поцелуй. После долгого ласкового сплетения губ они отстранились.

— Что слаще: груша или мои губы?

Тун Даоцзюнь чувствовал, что в последнее время жизнь стала удивительно приятной. Каждый день он проводил со своим возлюбленным: чтение книг, решение задач, игра в шахматы, музыка, забавы с подрастающим младшим братом и наблюдение за битвой двух женщин через V587.

Теперь ему нужно было лишь следить за прогрессом, и выполнение миссии было лишь вопросом времени.

В поместье Цзиньаньского хоу война между Чуньхэ и Шуй Чжуся разгоралась всё сильнее. Чуньхэ, пользовавшаяся благосклонностью Цзянь Чуцина, явно брала верх, и жизнь Шуй Чжуся становилась невыносимой, а её лицо, когда-то манившее своей красотой, становилось всё более искаженным от злобы.

В императорском гареме императрица, восстановив здоровье, начала открытую борьбу с императорской наложницей. Схватка двух женщин подняла огромные волны не только в глубине дворца, но и при дворе, и конца этому не предвиделось.

А затем Цзянь Цзяньжэнь, запертый во дворце Жунсюн, окончательно перестал терпеть издевательства Шао Цзисюна.

— А-а-а!

Раздались крики дворцовых служанок, посуда разбилась о пол. В покоях на полу лежал человек: глаза выкатились, изо рта шла пена, лицо посинело, тело уже окоченело.

— Хозяин!!!!!!

Тун Даоцзюнь, пребывавший в полудреме, проснулся от крика V587. Он резко сел, чем разбудил и того, кто спал рядом.

Шао Лиюй открыл глаза, в них не было и следа сна.

— Что случилось?

Из-за того, что дела задержали их, старший принц проявил милосердие к своему наставнику, позволив Тун Даоцзюню переночевать во дворце.

Тун Даоцзюнь посмотрел на видео, транслируемое V587, и тихо улыбнулся:

— Ничего, просто вспомнил кое-что.

— Поздравляю Хозяина с выполнением основной задачи по контрудару. Прогресс достиг 98%.

— Кто бы мог подумать, что Цзянь Цзяньжэнь решится на такое так быстро, — холодно проговорил Тун Даоцзюнь, глядя на окоченевший труп на экране.

С того момента, как Цзянь Цзяньжэнь стал наложником Шао Цзисюна, он поручил V587 следить за ним, ведь когда человек загнан в угол, его отчаяние становится страшным оружием.

Тун Даоцзюнь прекрасно знал об издевательствах Шао Цзисюна, но не испытывал к Цзянь Цзяньжэню ни капли жалости — тот сам выбрал свою судьбу. Сострадание к тем, кто замышляет против тебя зло? Он не был болен.

Внезапно его подбородок сжали, и он встретился взглядом с длинными, глубокими глазами. Шао Лиюй нахмурился:

— Наставник, о чем вы думаете? У вас такое странное выражение лица. Неужели вы задумали что-то недоброе?

Тун Даоцзюнь был его наставником, поэтому иногда Шао Лиюй дразнил его так, особенно когда они были близки.

Тун Даоцзюнь изогнул губы в улыбке, прильнул к его губам и прошептал:

— Разве ты не знаешь, задумал я что-то или нет?

Когда Шао Лиюй хотел обнять его, из-за двери раздался голос евнуха:

— Ваше Высочество, император прислал гонца. Вам велено немедленно явиться.

Шао Лиюй слегка нахмурился, неохотно отпуская теплое тело, и начал одеваться.

— Известно, что случилось?

— Гонец не сказал, велел лишь поторопиться.

— Хорошо.

Тун Даоцзюнь не стал ложиться, помог ему одеться, а когда Шао Лиюй ушел, снова завалился на кровать.

— Хозяин, вы не собираетесь сказать старшему принцу, что это дело рук Цзянь Цзяньжэня? — спросил V587.

Сын Судьбы был связан с удачей всего мира. Если он умирал, мир мог рухнуть. Но по мере продвижения миссии Тун Даоцзюня, словно нож, отсекал эти нити. Система видела, что удача, связанная с Цзянь Цзяньжэнем, почти иссякла, так что даже если его преступление раскроют и император казнит его, мир останется цел.

— Не нужно. Кто-то другой погубит его, — глаза Тун Даоцзюня блеснули.

Слова Тун Даоцзюня оказались пророческими.

Третий принц Шао Цзисюн скоропостижно скончался в своих покоях. В ту ночь он никого не вызывал, и лишь когда служанки, не дождавшись ответа, велели страже выбить дверь, его нашли лежащим на полу.

Узнав о смерти сына, императорская наложница лишилась чувств. Император был в ярости. Хотя он приказал заточить Шао Цзисюна и был зол на него за позор, он никогда не желал ему смерти.

— Расследовать!

По приказу императора Чэньюаня все лекари бросились искать причину смерти. Вердикт был ошеломляющим: внезапная смерть, никаких следов насилия или яда.

В конце концов, император вздохнул, снял с Шао Цзисюна наказание, посмертно пожаловал титул Цзинь-вана и похоронил в храме Аньхунь. Всех его наложников также отправили в храм, и Цзянь Цзяньжэнь оказался среди них.

Фракция правого министра, лишившись Шао Цзисюна, начала терпеть поражение, а императорская наложница слегла с тяжелой болезнью.

Не успела улечься эта буря, как разразился скандал в поместье Цзинъаньского хоу: наложница Чунхэ внезапно скончалась.

В знатных домах смерть наложницы — не великое событие, её могли просто завернуть в циновку и выбросить, но служанка, готовившая тело, обнаружила, что Чунхэ была на втором месяце беременности.

Цзянь Хуншу был наследником, но не пользовался любовью отца, а Цзянь Цзяньжэнь был окончательно списан со счетов. Цзянь Чуцин мечтал об очередном наследнике, и смерть беременной Чунхэ стала для него ударом. В ярости он нанял лучшего врача, который обнаружил яд в остатках чая.

Прежде чем он успел что-то предпринять, кто-то опередил его и подал жалобу в суд. Это была матушка Хэ.

Чунхэ была человеком общительным и поддерживала хорошие отношения с людьми из двора Тун Даоцзюня.

Жалоба матушки Хэ вызвала переполох. Чиновник, принявший её, был человеком правого министра, и дело быстро дошло до императорской наложницы. Когда выяснилось, что Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнь — мать и сын, а яд был редким рыбным токсином, не оставляющим следов, их обоих вытащили из храма.

Цзянь Цзяньжэнь кричал о своей невиновности, но кто бы его слушал? В итоге их с Шуй Чжуся бросили в тюрьму ведомства наказаний. После тридцати двух видов пыток Цзянь Цзяньжэнь не сознался, но Шуй Чжуся, не выдержав, взяла всю вину на себя. Их приговорили к смертной казни.

Как раз когда фракция правого министра собралась нанести удар по поместью Цзинъаньского хоу, пришло известие: вторжение северных варваров.

Цзянь Чуцин знал, что поместье в опасности, поэтому, услышав новость, без колебаний попросился на фронт. Император согласился.

Однако Цзянь Чуцин был никчемным военачальником. Через месяц после начала похода он потерпел поражение, потерял три города и был тяжело ранен, едва не доведя императора до апоплексического удара.

Шао Лиуй и Тун Даоцзюнь вместе попросились на север. Император дал согласие, предупредив Тун Даоцзюня, что в случае поражения тот поплатится головой.

Они отправились на север, и в тот же день Великая Юй обрела величайшего монарха и самого грозного полководца.

Действуя сообща, они вернули три города за месяц, а затем перешли в контрнаступление. Через два года они полностью покорили северных варваров, сделав их вассалами империи.

Весной двадцать первого года правления Чэньюаня армия триумфально вернулась в столицу.

Летом двадцать второго года император тяжело заболел и назначил старшего принца Шао Лиюя наследником. Осенью скончалась императрица, а зимой ушел из жизни император. Наследник взошел на трон под девизом Тяньжуй.

Прекрасный император шаг за шагом поднимался по ступеням к трону. В главном зале сотни чиновников пали ниц, выкрикивая приветствия. Когда Шао Лиуй сел на трон:

— Поздравляю Хозяина с выполнением миссии. Текущий прогресс 100%. Желаете покинуть этот мир и перейти в следующий?

Тун Даоцзюнь поднял голову и посмотрел на императора на троне. Их взгляды встретились, и уголки губ Тун Даоцзюня невольно изогнулись в улыбке.

<http://bllate.org/book/22141/2306793>